

PROSOPON

NR 1/2012

[s. 147-158]

Валентин Н. Вандышев

Григорий Сковорода о бессмертии, о мире, о познании (последняя встреча с Михаилом Ковалинским)

Georgy Skovoroda of immortality, of peace, of Knowledge (the last meeting with Mikhail Kowalinski)

Keywords: *Hryhorij Skovoroda, immortality, resurrection, heaven, soul, Law, knowledge of the book*

Обращаясь к известной биографии Григория Саввича Сковороды (1722-1794) – великого украинского мыслителя и поэта, написанной его другом и любимым учеником Михаилом Ковалинским, можно начать мои заметки прямо с того, что почти один к одному процитировать фрагмент её. Итак, в начале августа 1794 года, одержим болезнями старости и предвидя свою скорую кончину, приехал Григорий Саввич к другу своему, Михаилу Ивановичу Ковалинскому в село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла. Плохо было другу, вкусившему обращения в великосветских кругах, но утратившему жар истинного любомудрия; возжегшему разум светский, но усыпившему в себе доверие ко внутреннему голосу духа. Собрав свои мысли в малый круг желаний прибыл Ковалинский из столицы в деревню, надеясь найти там пристанище от житейского обуревания.

Михаил остался один, без семейства, без друзей, в болезни, без покоя и такого желанного соблезнования. Вникнув в суть произошедшего, понял Ковалинский, что не на камне основал он храм житейского своего счастья,

но на песке. Именно таким и застал его Сковорода, мудрый дух которого подсказал ему по девятнадцатилетнему несвиданию, что плохо его дражайшему другу.

Таким образом, цель поездки, которую предпринял семидесятиоднолетний учитель, определилась: побеседовать с Михаилом, дабы возбудить в друге его усыпленные силы разума и возвысить его желания, а заодно и передать другу рукописи свои с пояснением и завещанием. Читал сочинения свои учитель ученику ежедневно, а между чтениями занимал его рассуждениями о правилах и понятиях, которыми должен руководствоваться человек, ищущий истины.

Всякий раз, встречаясь, внимательно слушал Михаил учителя своего, внимательно читал переданные ему рукописи, задумывался и спрашивал:

- Григорий Саввич, сравнивая «Наркисса» и «Потоп Змиин» я вижу многие изменения, касающиеся воскресения и бессмертия... Здесь вы пишете и о «приложении к костям», и о «прозябании костей, яко трава» и о многом ином, о чём мы ранее с вами не разглагольствовали. И что же, - это буквально так? - спрашивал Михаил.

- Нет, не буквально. Видишь ли, кости сии не те суть, что рассыпаются в аду. Иезекииль утверждает, что совокупаются кости: кость к кости, каждое отдельное к составу своему. Прочти как Иезекииль изрек пророчество духу, и как вошёл дух в воскресенные тела, и как они встали, целое полчище, полные силы. И то читай дальше у пророка, как по воле Господа открыл тот гробы их, как вложил в них дух и поместил их на землю их. А если тебе этого не достаёт для понимания твоего, то открой пророка Исайю. И он поведаст тебе о прозябших, яко трава, костях, об оживании мертвецов, о восстании мёртвых тел. Ибо роса Божия - это роса растений, роса жизни, и потому земля способна извергать мертвецов. Другое дело, можно ли сие вполне освещать? Что это даст черни? Лишь вопросы возбудит, даст черни орудие для борьбы против нас же.

- А те, кто поймут превратно, что они сделают? - задумался Ковалинский, испытывая большое смятение от слов учителя.

- О, они сделают многое на телесном плане, ибо на другом плане не знают, - отвечал Сковорода. - Все грядущие беды людей от невежества. Должно понять, что собирать знание следует самому. Когда я это понял, я

отошёл окончательно от грязной черни. Не раз я тебе говорил, что смерть духовная – несчастье. Помнишь, умер игумен, народ плакал, давая пример юношеству. Печально, но как раз юношество у нас более всего портится примерами неразумных мужей и старых людей. Ты и сам сейчас это хорошо понимаешь. Поэтому я вновь повторю: насколько можешь, стремись отдаляться от ужасно развращенной черни!

– Но можно ли прилагать это определение ко всем людям?

– Вовсе я не имею в виду **всех** людей, – подчеркнул Григорий Саввич. – Я говорю о **мире, о мирском**, о людской черни: честолюбивой, раздражённой, самолюбивой, лживой и завистливой. Именно последнее – это самое худшее. Ты не можешь найти одного друга, не найдя вместе с тем двух-трёх врагов. Лжива и завистлива чернь! Таковы те, кто на тебя обижаются и тебя ненавидят, они недовольны своей судьбой, завидуют, злятся, а если и хвастают, то дабы не показать своего убожества.

– И что же этот **мир**, как вам удалось прожить с ним и в нём всю жизнь?

– Как, как? А вот так, **мир** ловил меня, а я ускользал!

Вечером 25 августа, ставшие привычными в последние дни беседы Григория Саввича с Михаилом Ковалинским продолжились. Они прогуливались по молодой роще, созерцая тёмное небо, густо усеянное яркими звёздами.

– Смотри, Михаил, видишь ты, как ярко сегодня Антарес? – обратился Сковорода к Ковалинскому.

– Где он, пока не вижу? – переспросил Ковалинский.

– Смотри туда, видишь точно змею, а в хвосте её яркая звезда, Унук алб Хай называется или Хвост змеи? А левее и ниже и Антарес расположен. Увидел?

– Да, увидел. Сегодня очень тёмное небо, на нём великолепно блистают звёзды, – задумчиво проговорил Михаил, глядя на Сковороду.

– Так это же ночь Новолуния; сегодня особенно хорошо видны звёзды. Смотри, как блистают и Спика (уже закатывается), и Арктур. Как я всегда радуюсь в такие августовские дни, любуюсь и небом и любимым мною Арктуром!

– Почему Арктуром?

– Это благородная звезда. Чувствую, и знаю, близок он мне по духу...

– Григорий Саввич, когда-то давно вы писали мне о небе видимом, о прекрасном первом небе. Но писали вы и о более достойном для божественного созерцания небе другом. Я думал тогда, что понимаю, но сегодня так не думаю...

Сковорода задумался, припоминая что-то, собираясь с мыслями:

– Верно, дражайший Михаил, писал я, и говорил я, о небе ином, о том **небе**, на котором пылает слава Христа; о том **небе**, где собраны те, кто уклоняется от дел мёртвой черни для дел небесных. Что-то об этом можно понять, обратившись к астрологам, что-то – из науки божественной.

Ученик придвинулся ближе к Сковороде, готовый слушать дальше. И Григорий Саввич продолжал говорить ему о науке небесной. Когда человек находится на ранних стадиях своего развития, большое значение имеет его окружение, которое даёт ему поддержку и основу в виде жестко определённых законов и обычаев. Но когда человек стал сам себе законом, когда он укрепился в желании делать добро лишь по причине самого добра, тогда он уже не связан долгом следовать жесткому влиянию «своих звёзд», он освобождается от того влияния, которое называют судьбой. Тогда человек добровольно подчиняется законам, которые знает и понимает, он сознательно работает над влияниями, которые познал как совершенное средство для достижения совершенства.

– Но небо, вы говорили о небе! Куда оно делось?

– Небо никуда деться не может, – вразумлял учитель. – Но «раздвинув» первое небо, видимое небо звёзд, Зодий и планет, человек поднимается над этим небом и становится солнцем, которое светит другим. В другом небе действуют иные законы, недоступные слабому разуму развращённой черни, а потому они представляются чудесами, когда становятся воплощёнными в нашей земной жизни.

– А искание философского камня или превращение всех вещей в золото и соделание состава из него, чтобы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет – это отсюда, это возможно? – вдохновился Ковалинский.

Сковорода улыбнулся:

– Сие есть остаток египетского плотолубия, которое будучи уже не в силах продлить жизни телесной, при всех мудрствованиях своих нашло

способ продолжить существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий.

– И что, никак нельзя продлить жизнь человеческую на несколько тысяч лет? – настаивал Ковалинский.

– А зачем надобно жить человеку столь долго, Михаил? – ответил вопросом на вопрос Сковорода.

– Хорошо, я не говорю о том, надо ли, я хочу знать возможно ли достичь этого?!

– Да, возможно, – твёрдо заверил его Сковорода. – Два пути есть на телесном плане. Первый, – это напитать тело человека чем-то таким, что позволит ему оставаться неизменно живым и одинаково деятельным. Египтяне раньше имели такое знание, такие средства, что позволяли это обеспечить. Потом знание утратили, начали делать мумии. Второй же путь, – это научиться ремонтировать человека подобно тому, как мастер вместо одной изломанной деревянной спицы ставит в колесо новую, либо вместо изношенного обода ставит новый к прежним спицам.

– А, – это, наверное, они имели философский камень. Я что-то слышал об этом. Умели превращать все вещи в золото, делать из оного состав, что продлевал человеческую жизнь... – не отступался Ковалинский.

– Умели они, Михаил, и второе делать когда-то, да оскудело знание у потомков. А мумии – это отголоски былого знания и умения...

– Но философский камень, Григорий Саввич, можно ли сделать философский камень? – с нескрываемой надеждой вопрошал Ковалинский учителя.

– Алхимики умели превращать многие металлы в золото, но проблема была, как сохранить соделанное; фиксатор нужен, космический фиксатор, – отвечал Сковорода. – В Праге встречался я не с одним знающим человеком...

Испытывая сильное нетерпение, Ковалинский уже начал теревить Сковороду за рукав:

– Нашли, сделали фиксатор?

– Сделали, сделали, – успокоил Сковорода Ковалинского, уклоняясь от более подробных объяснений.

Ответ однако заставил его на время замолчать. Вспомнились Вена и Прага, напряжённые дни исканий и находок, многочисленные и

многочасовые беседы с учёными мужами, работа в библиотеках, посещения пражских астрологов и алхимиков, «пудра проекции», прозрения в связи с экспериментами с «космическим фиксатором», горячие диспуты и грусть от расставаний и утраченных возможностей.

- И потом, почему ты, Михаил, заговорил о продлении жизни? Смерти испугался? Страх попутал?

- Разве о себе я подумал, Григорий Саввич.

- Тем более, зачем думать обо мне? Неужто я похож на человека, которому чуждо искусство умирания? Человек разумный должен заблаговременно приготовить себя и к старости, и к смерти. Здесь важно обеспечить в своём сердце душевный мир. Много лет тому победил я в себе тот страх, который более всего угнетает и молодого человека, и зрелого – страх нищеты. И уже много лет назад я победил в себе и страх смерти.

Во всё продолжение разговора Михаил Ковалинский очень внимательно слушал своего учителя. Хотя чувствовалось, что обуревали его и иные затаённые мысли. И точно, продолжая начатый несколькими днями ранее разговор, он спросил:

- Григорий Саввич, мы давеча говорили о знании. Если знание так же телесно и так же ограничено по своему объёму, как и серебро в земле, тогда возможно такое время, что знание, как и серебро это, вообще окажется на сохранении у какой-то части людей, которые успели его собрать и спрятали в сокровищницах своих. Возможно ли такое?

- Такое не то что возможно, такое станется в какие-то времена. И то прими во внимание, что мы с тобой видим на протяжении недолгого времени. Количество книг в библиотеках увеличивается, увеличивается и количество преподавателей, которые учат по этим книгам...

- Здесь, наверное, нет ничего нового, - перебил речь учителя Ковалинский.

- Не скажи, друг мой, как раз это и есть новое. И начало сему положено немцем Гуттенбергом, желавшим сделать Библию доступной многим людям. Помнится мне, много говорил я со многими людьми о сути знания, о способности человека к знанию. Буддисты, учёные из Индии, с которыми мы говорили о разном, и о знании в том числе, уверяли меня, что в те давние времена, которые предшествовали нашему...

Здесь Григорий Саввич прервал свою речь, задумался, с досадой покачал головой, точно что-то напряжённо припоминая, наконец, лицо его прояснилось и он заметил:

– Да, вспомнил, наше время они называли Кали-югой, временем невежества, раздоров, вражды. И вот, в предшествующие времена люди не нуждались в том, чтобы записывать то, чему их учили. У них была великолепная память, а потому и имеющееся знание передавалось от поколения к поколению, от учителя к ученику, от отца к сыну. А в начале Кали-юги память и способности людей оскудели, знание стали записывать, появились рукописные тексты, потом их стали переписывать переписчики, частично каждый искажая и дописывая по своему невежеству, а потом появилось и книгопечатание, которое поспособствовало тому, что в книгах многократно и одинаково подавалось знание, которое могут воспринимать многие люди, – улыбнулся Сковорода. – Хотя одну и ту же книгу каждый читатель волен понимать так, как он к этому способен.

– Так книга, – это же хорошо, Григорий Саввич, – удовлетворенно заметил Ковалинский. – Многие люди, а чем дальше, тем больше их смогут получать из книги знание, радоваться своему просвещению, просвещать других...

Сковорода строго посмотрел на Ковалинского, точно желая умерить его восторг, и промолвил:

– Мы привыкли употреблять слова, не всегда задумываясь над их смыслом. И я вот неоднократно говорю «знание, знание...». А между тем, ведай, я это слово использую, имея в виду разный смысл. Когда учитель передаёт знание ученику, он имеет целью удостовериться, насколько точно тот понял его, а для этого есть ряд средств. И когда отец учит чему-то сына, то он желает знать, насколько тот его понял, и ищет средств удостовериться в том, что его поняли. И тогда ученик или сын тоже становятся носителями части знания учителя или отца, которое прошло через их сердце, через понимание. Ты меня сейчас понимаешь, Михаил? – обратился Сковорода к своему собеседнику.

– Да, Григорий Саввич, я понимаю, что есть *verba magistri*, слово учителя, которое ученик должен нести в себе с пониманием и быть способным передать его другому с тем же смыслом, с которым оно дано было ему.

– Я вижу, Михаил, что ты меня понял вполне. А теперь пойми и другое. Пойми, что если человек читает книгу, не слышав учителя, хотя бы

подобного тому, который написал читаемое, то какие последствия будут от прочитанного? Для неопита понять написанное в книге по арифметике либо по риторике, либо по философии уже будет затруднительно. А что же он поймёт без учителя из книг священных?

Сковорода замолчал, вопросительно и несколько лукаво глядя на Ковалинского. И тот некоторое время помолчал, размышляя над словами учителя. Наконец, он спросил Сковороду:

– И какие же перспективы может иметь всё, о чём вы говорили?

– Это очень важный вопрос, я над ним думал много раз, споря сам с собой. Конечно, я лично не увижу того далёкого времени, когда будет много книг, много коллегийумов, а то и университетов. Но я чувствую, что это время наступит. И что тогда будет?

Ковалинский внимательно слушал учителя, желая не пропустить ни единого его слова. А Сковорода мысленно углубился в тему, вспоминая и давешние беседы с Вацлавом Чепичем, старым профессором Карлова университета в Праге, и де Ламетри с его «Человеком-машиной», и разговоры со своими многочисленными собеседниками, и свои думы наедине. Собравшись с мыслями Сковорода заговорил:

– Лет сорок тому я под влиянием одной прочитанной книги пришел к мысли, что автор её видит в человеке прежде всего мыслящую машину. Но мой собеседник, профессор, возражал, утверждая, что надо выбирать одно из двух положений: или человек – это существо мыслящее, или человек – это машина! Профессор был уверен, что практически все люди, которых мы видим, – всё это не более чем машины, зависимые от влияния внешних воздействий.

Ковалинский протестующе замахал руками:

– Этого не может быть, человек не может быть машиной!

– Да, примерно так и я пытался возражать вначале, – улыбнулся Сковорода. – Но профессор был прав: можно перестать быть машиной, но только тогда, когда ты знаешь, что такое человек-машина. Но это к слову, Михаил. Тема нашего разговора – знание, перспектива обретения знания людьми. И картина вырисовывается мне весьма неприглядная.

– Почему неприглядная, Григорий Саввич?

– Потому неприглядная, что интеллигенции, то бишь разума в человеке мало. Больше же в человеке эмоции, инстинкта, что требует говорить больше о бытии человека. Человек, пребывающий на одном уровне бытия, мыслит иначе, чем человек развивающийся на более высоком уровне. Имея одну и ту же книгу, эти люди будут и относиться к ней по-разному. Человек, едва умеющий понять её, будет полагать, что он содержание этой книги уже знает, потому что он её прочитал и **имеет её в своей собственности**. Это и есть неприятное следствие владения книгой для низкого человека: он уверен, что лишь имея книгу, он уже имеет достаточное знание о предмете, о котором идёт речь в книге.

– А разве не так, разве не может этот человек, если у него появится потребность, перечитать эту книгу, – возразил Михаил.

– **Такой человек**, – подчеркнул Сковорода, – перечитывать не станет. Но если надо будет, он откроет на нужной странице, прочитает, и это будет *точно его* знание. Совсем иначе будет вести себя человек, находящийся на высоком уровне бытия, человек духовный. Книга для него – повод углубиться в тему, найти другую книгу, которая пояснила бы глубже; найти учителя, который знает лучше! И если он с кем будет говорить по сути содержания этой книги, то будет не страницу искать, но из сокровищницы своего знания убеждать и разъяснять.

– Но перспектива-то, перспектива какова, Григорий Саввич!? – с нетерпением воскликнул Ковалинский. – Ведь вы говорите, что перспектива обретения знания людьми вырисовывается неприглядная... Что вы имеете в виду?

– Чувствую, что наступит время, когда условия жизни будут лишать человека необходимости много знать, когда его личные знания будут крайне незначительными, – проговорил Сковорода, похоже сам же задумавшись над своими словами.

– Этого не может стать никогда! – решительно, с какой-то чрезмерной даже горячностью возразил Ковалинский.

– Может стать, вполне может, – спокойно заметил Сковорода.

У Ковалинского сложилось ощущение, что учитель понял что-то очень важное, чего раньше не знал. Он не стал настаивать на разъяснениях, ожидая, когда Сковорода заговорит сам. И немного спустя тот заговорил с каким-то даже безразличием и отрешенностью:

– Когда-то наступит время, когда Господь уберёт от племса знание. Правда, тогда доступ к знанию будут иметь очень и очень многие, хотя в действительности знать будут очень и очень немногие. Это будет тогда, когда появится книга, в которой будут все ответы.

– Григорий Саввич, учитель дорогой, я вас не понимаю! Что вы такое сказали? Объясните! – точно спеша выговориться, заговорил Ковалинский.

– Погоди, погоди, Михаил, дай определиться, – с той же, непривычной для Михаила отрешённостью, заговорил Сковорода. – Способных творить – мало. Способных знать – мало. Способных обезьянничать – много. Всё будет сделано. Зачем что-то знать.

– И всё равно, Григорий Саввич, учитель дорогой, я вас не понимаю!

– Я и сам не вполне понимаю, но сердце мне подсказывает, – начал Сковорода. – Я точно в каком-то сне наяву увидел вдруг странную книгу небольшую размером. И там всё было написано!

– Библию?! – подсказал Ковалинский.

– Нет, Михаил, не Библию. Но будет какая-то книга, в которой будет собрано много знания, многие человеки будут держать в руках эту книгу, будут ею пользоваться, но мало кто будет всю массу знания, помещённого в эту книгу, понимать. Вот тогда окончательно и станет понятно, что человек – это машина

– Это будет одна книга для всех? – спросил Михаил.

Помолчав, Григорий Саввич загадочно заметил:

– Какая это будет книга, время покажет. Буквы и слова были всегда, но могли ли думать эллины либо римляне о тех книгах, кои сейчас мы держим в руках... А какие книги образом своим будут у наших потомков, подобно древним, знать мы не можем. Но будут те книги; много книг тех станет, очень много в каждой из них будет букв и слов! Настолько много, что и представить нам сегодня трудно.

– Но почему вы, Григорий Саввич, так пессимистичны, – не унимался Ковалинский.

– Потому что материалистическое знание, знание о превосходстве телесного, о машине будет занимать почти всё место в тех книгах, – отвечал Сковорода.

– Разве плохо, если люди будут знать о машинах, если машины будут помогать людям в их житейских делах?

– Это не плохо. Но я тебе говорил уже, что в материи знания есть и духовное. А те, кто будут писать эту книгу будущего, основной акцент сделают на материальном.

– Думаю, что и духовное из той книги никуда не денется, – задумался Ковалинский.

– Михаил, друг мой любезный, духовное знание может передать своему ученику лишь живой мыслящий учитель. Никакая книга, написанная даже самым одухотворенным учителем, не сможет этого сделать без учителя.

– Григорий Саввич, будучи в Европе, да и в Петербурге, я прочитал не одну книгу нынешних просветителей. Они возвышают научное знание, разум, а Д'Аламбер вообще отрицает всю прежнюю культуру.

– Интересно говоришь ты, Михаил. Я тоже читал их. Думаю всё дело в том, что сейчас начинает развиваться знание о природе, а эти науки лишены священного и возвышенного, лишены духа.

– Куда это может привести? – уточнил Ковалинский.

– Куда может привести? – повторил вопрос Сковорода. – Думаю, что краеугольные камни, скрепы, которые до сих пор держали европейскую культуру, рушатся. А это значит, что уровень мышления людей будет оскудевать, а масса вещей будет множиться.

На этом и разошлись спать. А на следующий день, утром 26 августа, Сковорода засобирался в дорогу, желая умирать на Украине. Друг упрашивал остаться у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в доме. Но Сковорода сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя Сковороду всем потребным, дав ему полную волю, по нраву его, выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чём ехать ему, представил ему для дороги, в случае надобности, нужный запас, говоря:

– Возьмите сие, может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплатить...

– Ах, друг мой! – сказал он, – неужели я не приобрёл ещё доверия к Богу, что промысел Его верно печётся о нас и даёт всё потребное во благовременность?

Ковалинский замолчал с приношением своим.

Расставаясь со своим другом, обнимая его, Сковорода промолвил:

– Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить её.

Summary

The content of the last meeting of Hryhoriy Skovoroda with his pupil and his close friend Michael Kovalinskiy is discussed in the above article. A teacher discusses his vision of the essence of immortality. He appealed to prophet Ezekiel, who prophesied to the spirit, as he entered the spirit in the resurrection of the body, as they stood, the whole multitude, full of strength. So the Lord put into them the spirit and put them on the ground. And the prophet Isaiah told of chilled, like grass, bones, of the alive dead, of the uprising of dead bodies. The teacher says when man began his own law, he appreciated the desire to do good simply because of the good, then he is not bound by duty to follow the strict influence of "the stars", he is freed from the influence, which is called fate. Then the man voluntarily obeys the laws, which he knows and understands, he consciously works on the influences that have come to be known as a perfect means to achieve perfection. Skovoroda prophesies that in the future of mankind materialistic knowledge, knowledge about the superiority of the solid, the car will take place in almost all the spiritual life of people.